

— Батюшки светы! Три лян серебра! Ну и запросы у этой семейки Цзян!

Сельчане, которые изначально пришли просто поглазеть на свадебную суматоху, никак не ожидали, что окажутся в первом ряду на представлении с таким сочным скандалом. Любители чужих секретов и сплетен тут же принялись переглядываться, строя друг другу многозначительные гримасы.

— По мне, так семейство Цзян поступает совсем уж бесчестно. Договор ведь скрепили поручительством, значит, Цзян Жан теперь плоть от плоти семьи Фан!

В Стране Великого Спокойствия честность всегда считалась основой государства. Письменное заверение у свидетелей было делом привычным: к нему прибегали и по мелочам, вроде соседского долга, и при важном разделе семейного имущества. Для этого звали почтенного, всеми уважаемого старца, умеющего держать язык за зубами. И раз уж сделка скреплена столь веским словом, то как теперь идти на попятную?

Услышав гул одобрения в толпе, старая госпожа Фан самодовольно уперла руки в бока и выпятила грудь колесом, приняв грозный вид, точь-в-точь заносчивый петух на птичьем дворе.

Вообще-то, торговля Сяо шуаньэром в Деревне Речного Отдыха считалась делом грязным, о котором вслух говорить не любили. Господин Юань и помыслить не мог, что эта несносная старуха окажется настолько бесстыжей и беспардонно вывалит всю подноготную о заверенной сделке прямо перед толпой зевак.

Свадьба ради исцеления больного служила хоть каким-то благообразным прикрытием, но теперь, когда старая госпожа Фан затрубила во всеуслышание, будто базарный глашатай, на семействе Цзян не останется живого места. Люди станут тыкать в них пальцами и клеймить торговцами собственными детьми. Поползут грязные слухи — и как тогда его любимым Руху и Сиюй искать себе достойную пару?

Тщеславный и дорожащий репутацией господин Юань почувствовал, как земля уходит из-под ног от позора. Лицо его то бледнело, то наливалось краской; он застыл как вкопанный, совершенно не понимая, как замять этот скандал.

Пока во дворе разыгрывалась эта нелепая сцена, Фан Чжуншань молча наблюдал за происходящим, стоя на каменных ступенях, ведущих в главный зал.

С крыльца ему было отлично видно поникшего Цзян Жана. Лавочник Фан подметил, что у юного Шуаньэра на редкость красивые, миндалевидные глаза. Увы, сейчас эти некогда живые и очаровательные омуты потухли. Веки были полуприкрыты, а во взгляде сквозили безразличие, пустота и какая-то зябкая отрешенность.

Чжуншаню уже доводилось встречать подобный взгляд.

Это случилось, когда скончался его собственный отец. Не успело тело покойного остыть, как на пороге дома объявился родной дядя в сопровождении кучи родственников, которых прежде никто в глаза не видел. Прикрываясь заботой о неразумном сироте — мол, Чжуншань слишком юн, чтобы заправлять делами усадьбы, — эти стервятники дочиста обобрали дом, украв последнее серебро.

Оставшись один на один с жестоким миром, лишенный родительской опоры, маленький и беспомощный Чжуншань выплакал все слезы у гроба отца. Когда силы иссякли, он безвольно опустился на порог и случайно глянул в треснувшее зеркало, висевшее у входа. То была старая вещь, которую отец давным-давно подарил матери на день рождения. Из мутной глубины на него возрилось собственное изможденное лицо с безжизненным, застывшим взглядом.

Нынешняя доля юного Шуаньэра ничем не отличалась от его собственного прошлого. Тот был таким же брошенным, несчастным существом, лишенным крова и защиты.

В груди Фан Чжуншаня, чье сердце за долгие годы успело затвердеть и покрыться броней, шевельнулась забытая жалость. Он едва слышно вздохнул, мягко отстранил поддерживавшего его Фан Чжунсиня и неторопливым, но твердым шагом направился к испуганному Шуаньэру.

Когда Фан Чжуншань спустился во двор, толпа так и ахнула, не веря собственным глазам!

Безнадежный больной, которому лекари пророчили скорую кончину со дня на день, мало того что выкарабкался, так еще и на ногах стоит, лично встречая своего суженого!

Все так и застыли с разинутыми ртами, пораженные до глубины души.

Воинственная бабушка Фан, завидев любимого внука на крыльце, так испугалась за его здоровье, что тут же позабыла о врагах и семенящим шагом бросилась к нему на выручку.

Но Чжуншань упрямо покачал головой, не давая бабушке ухватить себя за локоть, и направился напрямик к растерянному юноше.

Память прежнего владельца тела подсказывала: по здешнему обычаю молодой муж, переступая порог нового дома, должен сидеть на спине у своего Ханьцзы. Это символизировало единение душ и готовность вместе делить невзгоды и радости.

Вот только слабое, едва оправившееся от недуга тело сейчас бы просто не выдержало такой ноши. Быстро взвесив все за и против, Фан Чжуншань решил упростить обряд. Он протянул Цзян Жану свою широкую ладонь и негромко произнес:

— Позволь, я сам проведу тебя в дом.

Вздвогнув, Цзян Жан испуганно вскинул голову и встретился взглядом с теплыми,

заботливыми глазами Фан Чжуншаня.

Тот самый умирающий супруг, ради спасения которого его спешно отдали в чужую семью, мало того что держался на ногах, так еще и смотрел на него без тени того отвращения, о котором шептались кумушки... Сердце Цзян Жана испуганно и часто забилося в груди.

Решив, что юноша оцепенел от страха перед собственным родителем, Фан Чжуншань нахмурился и повернулся к отцу Цзян:

— Договор заверен старейшинами, и отныне Цзян Жан — Шуаньэр семьи Фан. К вам и к вашему дому он больше не имеет никакого отношения.

Отец Цзян, только-только начавший приходить в себя после бранной взбучки старой госпожи Фан, взвился от негодования:

— Какое еще заверение?! Да я его родил! Столько лет кормил и растил! С чего это вдруг он стал чужим по твоему первому слову?!

Фан Чжуншань больше всего на свете презирал подлецов, торгующих собственной плотью и кровью. Он презрительно усмехнулся, глядя прямо в глаза трусливому мужику:

— Родил? Да у тебя в доме парень вечно голодал, зимой ходил в обносках, а трудился за десятерых слуг! Откуда у тебя наглости набралось заявлять, будто ты его воспитывал? Скажи спасибо, что мы не требуем с тебя плату за его многолетний рабский труд!

Чжуншань сделал шаг вперед, заслоня собой юношу, и добавил ледяным тоном:

— Три ляна серебра — и мы в расчете. Я закрыл глаза на то, что ты посмел поднять руку на моего супруга прямо у меня на пороге. Но если продолжишь скандалить, пеняй на себя. Поверь, твоей семейке станет очень страшно ходить по ночным дорогам.

Чжуншань говорил спокойно, почти обыденно, но от этого тихого, бесстрастного тона у отца Цзян мурашки побежали по спине — настолько явственно от молодого человека веяло ледяной угрозой.

Отец Цзян по натуре своей был обычным малодушным крестьянином: стоило ему наткнуться на жесткий отпор, как вся спесь мгновенно испарилась. Проглотив обиду, он не решился испытывать судьбу дальше. Пробормотав под нос что-то невнятное, мужчина робко попятился назад и притих.

Господин Юань в душе кипел от злости, глядя на своего ничтожного супруга, который спасовал перед сопляком. Ему страстно хотелось съязвить в ответ и спасти остатки достоинства, но, наткнувшись на тяжелый, пронзительный взгляд Чжуншаня, он мигом

прикусил язык.

Убедившись, что незваные гости поумерили пыл, Чжуншань вновь повернулся к притихшему супругу:

— Солнце печет, незачем тут стоять. Давай руку, пойдем в дом.

Цзян Жан растерянно перевел взгляд на протянутую ладонь и, словно во сне, несмело вложил в нее свои пальцы. Сухое, живое тепло чужой руки заставило его окончательно очнуться и принесло с собой странное чувство безопасности.

Еще до приезда сюда Цзян Жан через знакомых Сяо шуаньэров пытался узнать хоть что-то о своей будущей судьбе. Ему твердили, будто младший сын семьи Фан — избалованный, грубый и распутный гуляка, который без ума от девушек, а к шуаньэрам испытывает лишь глубокое отвращение. Но теперь Жан видел, что Чжуншань совсем не походил на того монстра из чужих сплетен.

Впрочем, окажись слухи чистой правдой, Цзян Жан все равно покорно принял бы свою долю. Из какой бездны его ни пытались бы вытащить, разве могла здешняя жизнь быть хуже того ада, что он терпел в родном доме?

Чжуншань повел юношу за собой по ступеням, и только тогда толпа зевак мало-помалу пришла в себя.

— Постойте-ка, разве нам не говорили, что парень одной ногой в могиле стоит? Как же он на своих двоих расхаживает?

— Откуда мне знать! Судя по тому, как лихо он укоротил язык отцу Цзян, помирать этот Ханьцзы точно не собирается...

Как только молодые скрылись в дверях главного зала, свадебный пир наконец-то вошел в свои права. В Деревне Речного Отдыха не чтили пышных столичных обрядов с поклонами предкам: стоило Ханьцзы завести супруга под крышу да осушить с ним по чарке простого вина, как брак считался заключенным.

Чжуншань подвел Цзян Жана к столу, они вместе пригубили хмельную чашу, после чего старейшая в роду бабушка Фан произнесла теплые напутственные слова. Сразу за этим стоящий у порога сват во все горло выкрикнул:

— Союз заключен! Время пировать!

На столы потянулись блюда с дымящимися яствами, приготовленными загодя, и гости во дворе с радостными криками принялись поднимать кубки.

Деревенский люд нечасто лакомился сытной едой, так что щедрое угощение с рыбой и мясом быстро затмило все разговоры. Про недавнюю нелепую потасовку, затеянную отцом Цзян, тут же позабыли, погрузившись в веселье.

Обычно сразу после завершения обряда новоиспеченный муж отправлялся ублажать гостей разговорами вслед за старшими родственниками, а молодому супругу надлежало в одиночестве дожидаться его в опочивальне.

Но Чжуншань не собирался следовать этой скучной традиции. Сославшись на то, что уличный гул и суета утомляют его после недавней болезни, он вызвался уйти в покои вместе с супругом.

Душа бабушки Фан по-прежнему болела за едва оправившегося от смертного недуга внука, а потому она без лишних споров отпустила молодых.

Хоть комнату и звали новобрачной, ничего праздничного или нового в ней не было.

Семейство Фан жило в достатке, владея несколькими наделами земли и крепким главным домом. Просторная усадьба с передним двором и задними пристройками делилась на несколько крыльев, где теснились четыре поколения большого рода.

Из-за того что свадьбу справляли впопыхах, исключительно ради спасения Чжуншаня от недуга, времени на ремонт или постройку отдельного жилья просто не оставалось. Под нужды новобрачных наспех отвели одну из свободных, наиболее чистых комнат, украсив ее парой алых свечей да бумажными гирляндами.

Внутри царило скромное убранство: резное ложе из грушевого дерева да нехитрый гарнитур из стола и стульев. Пожалуй, единственной яркой деталью были искусно вырезанные из красной бумаги уточки-мандаринки, которых невестка Мяо Юээр заботливо наклеила на изголовье кровати.

Покои новобрачных располагались в самом тихом крыле усадьбы, так что пьяные выкрики гостей быстро затихли вдали. Когда за ними захлопнулась тяжелая дверь, в комнате воцарилась глубокая, почти осязаемая тишина.

Чжуншань довел Цзян Жана до кровати, и они сели рядышком на упругий матрас. Никаких традиционных чаш, связанных лентами, никаких церемоний с покрывалом — юный Шуаньэр просто сидел, понутив голову, и робко перебирал пальцами полы своих одежд.

Чжуншань первым нарушил затянувшуюся паузу, почувствовав, что сидеть истуканом ему неведомо. Он поднялся на ноги. Заметив его движение, юноша попытался украдкой взглянуть на своего Ханьцзы, но тут же был пойман с поличным.

— Ты...

— Ты...

Они заговорили в один голос и тут же осеклись, смущенно замолчав. Спасительным избавлением от этой неловкости стал глухой, раскатистый урчащий звук, донесшийся откуда-то снизу.

Цзян Жан проснулся на рассвете, но злая мачеха и сваха погнали его в дорогу голодным. Проведя все утро на ногах без крошки во рту, бедный юноша изнывал от голода.

Разумеется, пустой желудок не мог не выдать себя, но Жан все равно густо покраснел, сердясь на собственное тело за предательскую прямоту, выставившую его в дурацком свете перед Фан Чжуншанем.

Глядя на то, как уши Шуаньэра заливает пунцовая краска, Чжуншань невольно улыбнулся.

«Совсем еще дитя...»

Голос Чжуншаня потеплел:

— Солнце уже высоко, ты, должно быть, проголодался в дороге. Посиди пока здесь, а я схожу на кухню и принесу чего-нибудь перекусить. Чего бы тебе хотелось? Могу и сам сообразить что-нибудь простое.

Где это видано, чтобы молодой супруг в первую же минуту после свадьбы отправлял своего Ханьцзы хлопотать у плиты?

Цзян Жан испуганно замахал руками, собираясь отказаться, но его пустой живот в этот самый миг издал еще одну трель, куда более звонкую.

—...

Совсем пав духом, юноша понурил голову и, окончательно сдавшись, робко показал Чжуншаню сперва два, а затем три пальца:

—... Два... то есть три кукурузных пампушки. Если можно, конечно.